

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/67/10

Е. Н. Проскурина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

А. Платонов и В. Зазубрин: пересекающиеся параллели

Показаны общие черты творческого поведения А. Платонова и В. Зазубрина, при кардинальной разности художественного языка писателей. Каждый из них старался сохранить свой собственный творческий почерк, свое отношение к революционной реальности, которое во многом расходилось с формирующейся идеологической максимой. К анализу привлечены эпизоды романа А. Платонова «Чевенгур», романов В. Зазубрина «Два мира» и «Горы», а также его повести «Щепка» и очерка «Неезженными дорогами», где обнаружены сюжетно-мотивные переклички. Ранее в платоноведении выдвигалась точка зрения, согласно которой одним из источников романа «Чевенгур» мог быть очерк Зазубрина. Однако выявленные пересечения в названных произведениях относятся, скорее, к метадиалогу, чем к творческой рецепции, поскольку в литературе 1920-х гг. сюжетно-мотивное пространство было во многом единым, что связано с постреволюционной исторической ситуацией в стране. Кроме того, на основе эпистолярия проанализированы отношения Зазубрина и Платонова с Горьким, который являлся для каждого из них высшим авторитетом. Из проведенного анализа сделан неожиданный вывод: насколько активным было участие Горького в судьбе Зазубрина, настолько же осторожно он проявил себя по отношению к Платонову. Возможно, Зазубрин был понятнее Горькому как писатель, с его главной темой борьбы «двух миров». Платонов же для Горького оказался слишком загадочным автором, с неопределенной идеологической позицией, непривычной поэтикой. В итоге в оценке Горького первенство, как это ни парадоксально, принадлежит Зазубрину, а не Платонову.

Ключевые слова: А. Платонов, В. Зазубрин, М. Горький, «красный террор» в литературе, творческое поведение, метадиалог, сюжет, мотив.

Сравнение творчества А. Платонова (1899–1951) и В. Зазубрина (1895–1937) уже становилось предметом литературоведческого анализа. Впервые имена этих двух писателей поставлены рядом в статье Б. Соколова «Андрей Платонов и Владимир Зазубрин: утопия и реальность» [Соколов, 1995]. В ней автор делает предположение, что одним из источников романа «Чевенгур» мог быть очерк В. Зазубрина «Неезженными дорогами», опубликованный в третьем номере журнала «Сибирские огни» за 1926 г. По свидетельству исследователя, в июне того же го-

Проскурина Елена Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; proskurina_elena@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 2
© Е. Н. Проскурина, 2019

да, еще до выхода журнала, фрагменты очерка, посвященные г. Кузнецку, публиковались в петроградской (ленинградской) «Красной газете». Этот факт важен для нас тем, что представляет редкий случай публикационного пересечения Зазубрина и Платонова: годом позже в приложении к «Красной газете» был опубликован рассказ А. Платонова «Песчаная учительница» [Платонов, 1927]. Еще один такой случай – публикация романа Зазубрина «Горы» в журнале «Новый мир» в 1933 г. (№ 6–9); Платонов в «Новом мире» опубликовал отрывок из романа «Чевенгур» «Приключение» [1928а] и очерк «Че-Че-О» [1928б]. Других фактов не прямых пересечений их издательских траекторий не обнаружено. Однако знакомство Платонова с «Красной газетой» делает вероятным предположение Б. Соколова, что писатель вполне мог читать в ней фрагменты зазубринского очерка, время публикации которых совпало с началом его работы над «Чевенгуром» (1926–1928).

В главах о г. Кузнецке речь идет о расправе красными партизанами под предводительством некоего Рогова с местными жителями. В статье Соколова подразумевается соотнесенность сделанных «пером бесстрастного протоколиста» записей Зазубрина со сценой расстрела «буржуев» в «Чевенгуре»: «Буржуев и “полубуржуев” в Чевенгуре, где в результате для коммунизма остается лишь одиннадцать жителей, Чепурный уничтожает точно так же, как у Зазубрина Рогов – население Кузнецка, а в храме поселяет ревком» [Соколов, 1995, с. 143]. Однако сюжетное пересечение одновременно показывает разницу творческого почерка двух писателей. «Протокольные» записи Зазубрина мало отличаются от его художественного письма – столь же жесткого, избыточного натуралистическими подробностями и деталями. Герой кузнецких глав очерка Рогов – бывший подрядчик по постройке церквей, в Первую мировую войну стал подпрапорщиком и георгиевским кавалером, а в революцию – красным революционером, сжигавшим «огнем и мечом» церкви, села, опустошавшим города.

Я медленно иду по рубчатым, черно-рыжим чугунным плитам. Мне кажется, что я иду по запекшейся, заржавевшей крови. Сюда в 19-м году роговцы согнали «буржуев, попов и прочих паразитов» и здесь «казнили» их четвертованием, жгли. Здесь, в алтаре, на престоле, была разложена и изнасилована толстая купчиха Акулова. Изнасиловав Акулову, роговцы воткнули ей в живот зажженную рублевую свечу.

Потом собор, заваленный трупами убитых и недобитых купцов и попов, зажгли. От собора остались стены... [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 126];

Из четырех тысяч жителей Кузнецка две тысячи легли на его улицах. Погибли они не в бою. Их, безоружных, просто выводили из домов, тут же у ворот раздевали и зарубали шашками. Особо «именитых» и «лиц духовного звания» убивали в соборе.

<...>

Рубились люди, так сказать, по «классовому признаку».

Именно: руки мягкие – руби, на пальце кольцо или следы от него – руби, комиссар – руби.

<...>

Казнимых Рогов всегда мучил – отрубал у живых руки, ноги, отрезал половые органы, жег живьем.

Но, несмотря на всю прямолинейную примитивность «классового подхода» к людям, в голове у этого «революционера» царила невообразимая путаница. ... При соединении с регулярными (белыми. – Е. П.) войсками он начал истреблять наших командиров и комиссаров. Мотивы, конечно, были самые простые: комиссар, значит, начальник, начальник, значит, насильственный – руби. <...> В этой войне он был побежден и трусливо кончил са-

моубийством. Штаб его был захвачен и уничтожен одной из дивизий Красной Армии [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 130–131].

Показательно единство сюжетной основы в приведенном эпизоде очерка Зазубрина и сцене расстрела «буржуев» в «Чевенгуре». И все же трудно сказать определенно о непосредственном влиянии Зазубрина на Платонова при создании этой сцены. Тот же Г. Рогов оказался прообразом главного героя романа В. Шишкова «Ватага» Степана Зыкова (подробно см.: [Шишкин, 1985; Булдаков, 2013]). Как пишет В. Булдаков, «Феномен Зыкова-Рогова не был единичным: в том же Кузнецком уезде действовали и другие “красные” банды. Другим масштабным аналогом роговской резни была так называемая амурская трагедия. Весной 1920 г. в Николаевске-на-Амуре красные партизаны под руководством 23-летнего анархо-коммуниста Якова Тряпицына расстреляли несколько сотен пленных японцев. Затем развернулось планомерное уничтожение жителей города, которых разделили на пять категорий по “этноклассовому” принципу. Город был сожжен, в ходе десятидневной резни погибло до 2,5 тыс. человек (называли и большие цифры)» [Булдаков, 2013, с. 117]. На «воронежском» материале тема «борьбы с контрреволюцией» подробно исследована в монографии О. Алейникова [Алейников, 2013, с. 89–178]. Повторяемость подобного рода эпизодов в литературе объяснима самой исторической реальностью революционного времени¹. «Гражданская война словно срывала с людей человеческую оболочку, обнажая звериное нутро. Это и отразили художественные произведения 1920-х гг.» [Булдаков, 2013, с. 117]. Однако изображение поведения платоновских новых чевенгурцев в момент расстрела не имеет аналогов в литературе. В нем нет и намека на ту ненависть к врагам – классовым, политическим, которая исходит со страниц зазубринского текста. Уничтожение «буржуев» в «Чевенгуре» мотивировано самими героями исключительно социальной необходимостью:

Пробыв председателем ревкома месяца два, Чепурный замучился – буржуазия живет, коммунизма нет, а в будущее ведет, как говорилось в губернских циркулярах, ряд последовательно-наступательных переходных ступеней, в которых Чепурный чувством подозревал обман масс. <...> Чепурный захотел отмучиться и вызвал председателя чрезвычайки Пиюсю.

– Очисти мне город от гнетущего элемента! – приказал Чепурный.

– Можно, – послушался Пиюся. Он собрался перебить в Чевенгуре всех жителей, с чем облегченно согласился Чепурный.

– Ты понимаешь – *это будет добрей!*.. Иначе, брат, весь народ помрет на переходных ступенях [Платонов, 1991, с. 227–228] (курсив наш. – Е. П.).

При этом Чепурный пытается не только морально, но и научно оправдать свое решение:

И потом, буржуи теперь все равно не люди: я читал, что человек как родился от обезьяны, так ее и убил. Вот ты и вспомни: раз есть пролетариат, то к чему ж буржуазия? Это прямо некрасиво! [Там же, с. 228]

На этом, однако, поиск обоснований «подворно и явочным порядком истребить буржуазию» [Там же] не заканчивается. Главный теоретик в Чевенгуре Прокофий Дванов, пытаясь снять с себя и своих товарищей вину, создает письменный приказ, в котором оправдывает расстрел «буржуев» обещанием второго пришествия:

¹ Один из последних примеров – роман К. И. Пылаева «В плену на родине», созданный в 1919 г. и опубликованный лишь в 2017. Как и роман В. Зазубрина, документальное повествование К. Пылаева переполнено сценами зверств, совершаемых в Перми колчаковцами.

Советская власть предоставляет буржуазии все бесконечное небо, ободуваннное звездами и светилами на предмет организации там вечного блаженства [Платонов, 1991, с. 229].

И даже время расстрела – ночь со среды на четверг – Прокофий выбирает так, чтобы жертвы могли «тише приготовиться» к смерти в постный день.

Из всех расстреливающих лишь один Пиюся выполняет приговор с готовностью. Но и он перед казнью просит «одного чекиста» зачитать поминальную книжку, найденную при осмотре «узелков и сундучков», с которыми «буржуи» пришли на расправу. Не согласен он и с советом чекиста «кончить» жен буржуев: «Зачем, голова? Главный член у них отрублен!» [Там же, с. 231] При исполнении приговора чекисты неожиданно для себя испытывают сострадание к своим жертвам, стараясь облегчить им муки умирания:

Чекисты ударили из нагана по безгласным, причастившимся вчера буржуям... Раненый купец Щапов лежал на земле с оскудевшим телом и просил наклонившегося чекиста:

– Милый человек, дай мне подышать – не мучай меня. Позови мне женщину проститься! Либо дай поскорее руку – не уходи далеко, мне жутко одному.

Чекист хотел дать ему свою руку:

– Подержись – ты теперь свое отзвонил!

Щапов не дождался руки и ухватил себе в помощь лопух, чтобы поручить ему свою недожитую жизнь... Чекист понял и заволновался: с пульей внутри буржуи, как и пролетариат, хотели товарищества, а без пули – любили одно имущество [Там же, с. 231–232].

Таким образом, «уничтожение буржуев и “полубуржуев” в Чевенгуре» происходит отнюдь не точно так же, как в очерке Зазубрина, а совсем по-иному. Сам акт расстрела в романе Платонова окружен множеством оговорок, смягчающих ужасающие по своей сути натуралистические подробности. Авторское сострадание ко всем героям, безотносительно к их классовой принадлежности, вносит в платоновский «Чевенгур» лирическую интонацию, формирует особую, отмеченную сердечностью и теплотой, атмосферу, уникальную для всего корпуса произведений о революции и Гражданской войне в русской литературе. Особенно отчетлив этот контраст на фоне произведений Зазубрина, с их «прямым» изображением событий, экспрессивным напором, «золаизмом», как определил художественный почерк писателя М. Горький в письме, посвященном анализу рассказа «Общежитие» (см.: [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 262]). Для подчеркивания этого контраста приведем сцену из романа «Два мира»:

Въезжая в Медвежье, Орлов подзвал к себе адъютанта.

– Корнет, немедленно прикажите собрать все село на площадь. Оповестите народ, что сейчас будет отслужен благодарственный молебен по случаю победы над бандами красных.

<...>

Почти все село собралось на площадь. Женщины, дети, старики, старухи, взрослые и молодежь. Красильниковцы оцепили площадь, загородили выходы пулеметами...

– Что, боитесь, каналы? – заорал Орлов на толпу. – Видно совесть у вас совсем чиста. На колени, прохвосты, все на колени, сию же минуту!

<...>

Бледных, с запекшимися, перекошенными губами, поставили у каменной церковной ограды. Их было сорок девять. <...> Черные дыры винтовок двумя рядами, покачиваясь, шупали головы и груди приговоренных.

<...>

– Товарищи большевики, смирна-а-а, равнение на пули, на тот свет карьером ма-а-арш!

Шашка, тонко свистнув, сверкнула. Черные круглые дыры винтовок, все два ряда, желтыми огоньками загорелись, стукнули. Полоса белых камней, на стене из белого камня, рассыпалась, рухнула на землю. Расстрелянные подпрыгнули. Упали навзничь.

– Молодец, корнет, молодец, тонный парень, тонняга, корнет. Ха-ха-ха! На тот свет карьером... Ха-Ха-Ха!...

Залп опрокинул толпу на землю. Женщины судорожно бились, рыдали. Старики, старухи молились. Мужики стонали. Молодежь сжимала кулаки, кусала губы.

<...>

Серая пыль площади. Белые пятна. Живые, полуголые. Свист. Железные прутья. Кровавые рубцы. Кровь. Красное мясо... Мертвых было сорок девять. Окровавленных шестьдесят. Но были выпороты все. Уничтожены, растоптаны... [Зазубрин, 1988, с. 28–33]

Расправам чекистов над побежденными белогвардейцами посвящена повесть В. Зазубрина «Щепка» (1922–1923). Исполненные натурализма картины предсмертного существования жертв «красного террора», сцены расстрелов отпугнули как московскую «Красную новь», так и новониколаевские «Сибирские огни». Промолчал и иркутский чекист Я. Берман, на отзыв которому Зазубрин послал «Щепку», помня о его активном вмешательстве в работу над «Двумя мирами» (см.: [Яранцев, 2012, с. 79]), получившим высокий статус «первого советского романа».

При кардинальной разнице художественного языка, можно, однако, обнаружить ряд мотивных перекличек в «Чевенгуре» и очерке «Неезженными дорогами», а также других произведениях Зазубрина начала 1920-х гг. Так, в очерке главный герой-убийца Рогов до революции был подрядчиком на постройке церкви; у Платонова главный чекист Пиюся в мирное время «двадцать лет работал каменным кладчиком» [Платонов, 1991, с. 228]. Сцена расстрела чевенгурцев на соборной площади соотносится как с эпизодом казни роговцами «буржуев, попов и прочих паразитов» у стен собора г. Кузнецка, так и с расстрелом белыми офицерами мирных жителей села Медвежье у каменной церковной ограды в романе «Два мира». В этой сцене проведенный перед казнью молебен перекликается с зачитыванием семейной поминальной книжки перед расстрелом «буржуев» в «Чевенгуре». Однако «белый» молебен служит у Зазубрина в знак благодарения за победу «над бандами красных»; у Платонова чекисты, сами того не осознавая, служат панихиду по своим будущим жертвам и молятся о здравии их родных:

Буржуи принесли с собой узелки и сундучки – с мылом, полотенцами, бельем, белыми пышками и семейной поминальной книжкой. Пиюся все это просмотрел у каждого, обратив пристальное внимание на поминальную книжку.

– Прочти, – попросил он одного чекиста.

Тот прочитал:

«О упокоении рабов божьих: Евдокии, Марфы, Фирса, Поликарпа, Василия, Константина, Макария и всех сродственников.

О здравии – Агриппины, Марии, Косьмы, Игнатия, Петра, Иоанна, Анастасии со чадами и всех сродственников и болящего Андрея».

– Со чадами? – переспросил Пиюся.

С ними! – подтвердил чекист [Там же, с. 230].

Объединяет оба эпизода и мотив «того света», куда отправляют своих жертв герои-палачи. Но в романе Зазубрина он встроено в иронически-издевательский контекст, тогда как в романе Платонова – в сочувственно-оправдательный. В финале «Чевенгура» коммуна гибнет в столкновении с внезапно появившимся отрядом загадочного противника, в очерке «Неезженными дорогами» роговцы побеждены отрядами Красной армии. Внешне схожи и завершения судеб главных героев: Рогов кончает жизнь самоубийством, Саша Дванов исчезает в озере Мутево. Однако, если самоубийство Рогова – знак трусости («трусливо кончил самоубийством», – пишет Зазубрин), то уход Саши – продолжение жизни, новый этап поиска истины. В этой связи в названии романа «Чевенгур» можно распознать анаграмму словосочетания «вечен круг» с редукцией последней буквы «г». На наш взгляд, Платонов умело скрыл в нем – через соотнесение с топонимами Воронежской губернии (например, Богучар), политическими аббревиатурами своего времени и др. – мистериальный код сюжета своего произведения. О множестве кругов в романе, о движении по кругам его героев довольно много сказано и написано в платоноведении. Также на сегодняшний день существует большое количество интерпретаций названия романа. Как верно отметил А. Варламов, «о расшифровке этого топонима можно написать целую книгу» [Варламов, 2011, с. 153]. Мы предлагаем в эту копилку еще один вариант.

Переключка с жизненной позицией коммунаров и финалом «Чевенгура» слышна в истории алтайских коммун, изложенной героем романа Зазубрина «Горы»:

...Иные беднота организовывали без принуки. Понятия только у них никакого не было. Они думали, што зайдут в кумыну, и все будет, и работать никому не надо. Лежи с бабой и жуй пайку. <...> В осьмнадцатом годе беглые от голоду из Петрограду рабочие первый почин сделали. Ничего у них не вышло, никакого согласия и распорядку не было. Один пашет, трое пузо на солнце греют, пятеро ложками котел меряют. Держались, покудова деньжонки да разное барахлишко разматывали, потом разошлись, и тех хрестьяне поимали и сдали белым на расстрел [Зазубрин, 1990, с. 228–229].

В групповой портретной характеристике чевенгурских «имущих людей» отмечена такая деталь: их жилье «спокон века... пахло воском» [Платонов, 1991, с. 227]. В рассказе Зазубрина «Общежитие» (1923) в описании экспроприированного дома купчихи Обкладовой говорится, что он, кроме прочего, пропах ладаном. Воск и ладан – неотъемлемая часть традиционного уклада русской жизни, с ее церковными обрядами, молитвами, домашними иконами, восковыми свечами. Разрушение этой традиции символизировано в очерке Зазубрина разрушенными церквями, осквернением святынь; в «Чевенгуре» – расположением в опустошенном храме ревкома.

Вероятнее всего, в перечисленных переключках мы имеем дело с метадialogом, а не с рецензией. Однако нельзя не отметить общих черт в творческом поведении двух писателей. При этом мы не располагаем свидетельствами их личного знакомства, хотя с 1933 г. Зазубрин переезжает в Москву на постоянное место жительства, под покровительство М. Горького, с которым вел переписку с 1928 г. (переписка Платонова с Горьким началась годом позже). Но, как показывает обстоятельное биографическое исследование В. Яранцева «Зазубрин. Человек, который написал “Щепку”», в короткий столичный период жизни он общался в основном с писателями-сибиряками, принадлежавшими к кругу журнала «Сибирские огни». Работа в созданном Горьким журнале «Колхозник» контактов с известными писателями не принесла. «Несмотря на призывы Зазубрина, мэтры в “Колхозник” не шли. Причиной явилось, прежде всего, направление, заданное

“Колхознику” Горьким, – это был журнал не чисто литературный, а “литературно-политический” и вдобавок “научно-популярный”. Так что “литература” отходила на второй план перед “политикой” и “наукой”. ...Даже проза, неизменно открывавшая содержание очередного номера, хронически страдала тенденциозностью» [Яранцев, 2012, с. 584].

Начиная свой творческий путь романом «Два мира», Зазубрин ставил своей задачей «дать красноармейской массе просто и понятно написанную вещь о борьбе двух миров и использовать агитационную мощь художественного слова» [Зазубрин, 1988, с. 5]. Хотя в незавершенных второй и третьей частях романа возникает интонация неуверенности в вопросе необходимости кровавой жертвы ради успеха революции, воспроизведенная в дневниковом дискурсе главного героя-колчаковца Барановского в период его «красного» плена:

Борьба продолжается. Но я не верю в победу белых, не верю в силу и правду красных. Вся эта борьба мне представляется каким-то кровавым хаосом. Люди в безумном ослеплении истребляют друг друга. <...>

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови.

Что толку, что в крови? Хорошо, утопят в крови своих врагов, но и сами захлебнутся в ней, в зверей превратятся. Пожар в крови – это чепуха. Надо в сознании. А разве люди придут к сознанию через трупы и кровь? Никогда. Не согласен. Да, сдавался я красным, думал, найду в них людей, хотел честно работать, а теперь вижу, что самое честное, самое лучшее дело – это быть нейтральным. Пусть другие звери перегрызают друг другу глотки, человек должен остаться в стороне... [Там же, с. 304]

Исповедальный дневник «классового врага», его пацифистская, общегуманистическая направленность, проявившая сочувственное отношение автора к герою – жертве «красного террора» уже в дебютном произведении, вступали в противоречие с установкой на идеологическую чистоту и бескомпромиссность советской литературы, что, вероятнее всего, остановило работу Зазубрина над его продолжением.

Наивысшего градуса сомнения Зазубрина достигают в повести «Щепка», созданной вслед за «Двумя мирами». В ее чекистском сюжете писатель кардинально меняет угол зрения, пытаясь осмыслить проблему «красного террора» не на уровне внешних событий, а изнутри сознания рефлексирующего героя-палача Срубова. Ужасы чекистских застенков, участие в расстрелах и одновременно с этим предпринимаемые попытки оправдать террористическую политику новой власти сводят его с ума. При этом в письме к Ф. Березовскому Зазубрин убеждал адресата:

Надеюсь, Вы верите, что я искренне хотел написать вещь революционную, полезную революции. Если не вышло, то не от злого умысла. Буду еще работать [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 358].

Здесь невольно возникает параллель с попыткой А. Платонова оправдать замысел «Чевенгура» в письме М. Горькому:

Глубокоуважаемый Алексей Максимович... прошу прочитать мою рукопись. Ее не печатают... говорят, что революция в романе изображена неправильно, что все произведение поймут даже как контрреволюционное. Я же работал совсем с другими чувствами... Обращаюсь к Вам с просьбой прочитать рукопись и, если будет Ваше согласие, сказать, что автор прав

и в романе содержится честная попытка изобразить начало коммунистического общества [Платонов, 2013, с. 264].

Объединяет обоих писателей их творческое бесстрашие, неспособность исказить своего собственного «сокровенного человека» в самых сложных обстоятельствах – жизненных и литературных. Для Платонова это период второй половины 1920-х – середины 1930-х гг., когда были созданы его главные произведения, для Зазубрина – начало 1920-х гг., время активного участия в журнале «Сибирские огни», где ему удалось опубликовать не только главы из второй и третьей части «Двух миров», но и идеологически «подсудные» «Бледную правду» и «Общежитие». Последний рассказ подвергся особенно ярким нападкам критики и цензуры (см.: [Проскурина, 2018]). Самое жесткое произведение писателя – повесть «Щепка», как и главные произведения Платонова, так и не была издана при его жизни.

Отдельная страница выдвинутой проблемы – отношения Платонова и Зазубрина с Горьким. И тот и другой обращались к нему как высшему авторитету с просьбой помочь устроить свою литературную судьбу. У Платонова это было связано с изданием романа «Чевенгур», а позже – с постановкой пьесы «Высокое напряжение» и публикацией рассказа «Мусорный ветер»; у Зазубрина – с устройством в Москве после его вытеснения из журнала «Сибирские огни» в 1928 г. Кроме того, оба писателя обращались к Горькому и в оценке их литературного таланта, исповедовались ему в своих благих намерениях быть правоверными советскими литераторами. При этом реакция Горького на их просьбы была разной. Насколько осторожно он проявил себя в оценке творчества Платонова и участия в его судьбе, несмотря на их теплую первую встречу, произошедшую на квартире Горького в 1928 г. (см.: [Платонов, 2011]), настолько же горячо погрузился в жизненные и творческие обстоятельства Зазубрина. Возможно, на такое его отношение оказал влияние статус Зазубрина как автора «первого советского романа», высоко оцененного Лениным². Достаточно сказать, что во втором, зазубринском томе «Литературного наследства Сибири» опубликованы 86 писем, составивших переписку Зазубрина и Горького. В томе писем Платонова насчитывается всего 14. Из них лишь четыре письма принадлежат Горькому: два касаются романа «Чевенгур», одно – пьесы «Высокое напряжение» и одно – рассказа «Мусорный ветер». Остальной корпус – письма Платонова (в их числе только одно осталось не отосланным), на которые он ответа не получил. Среди исследователей есть точка зрения, что до Горького, возможно, не все платоновские письма доходили из-за слежки за его перепиской сотрудничающим с НКВД секретарем П. Крючковым³.

Для Зазубрина Горький стал и «крестным отцом» московского периода жизни, и чуть ли не членом семьи, что связано с участием в судьбе его больного туберкулезом сына Игоря. В 1928 г., когда Зазубрин был отстранен от руководства журналом «Сибирские огни» и Союзом сибирских писателей, именно Горький пригласил его в Москву, обеспечив работу в Госиздате, журнале «Колхозник», а также над изданием «Истории Гражданской войны». А в 1930 г., когда начался процесс над главным оппонентом Зазубрина А. Курсом, Горький даже пишет Сталину с просьбой восстановить Зазубрина в партии, рекомендуя его как «очень талантливого» и «честного» человека⁴. Хотя в личной переписке Горький не раз

² «Конечно, это не роман, но хорошая книга, нужная книга и страшная книга» (см.: [Яновский, 1988, с. 329]).

³ Сложные отношения Платонова и Горького представлены в работе: [Малыгина, 2018].

⁴ «Теперь, когда Сырцов, Курс и Ко обнаружили истинную свою сущность, следовало бы восстановить в партии Зазубрина, ведь это они травили его, они же испортили хороший журнал “Сибирские огни”, высадив из него талантливых людей. Зазубрин – очень талант-

ругает Зазубрина за плохое, «грязное» письмо. В первую очередь это касается рассказа «Общежитие». Не понравилась ему и пьеса «Подкоп» – последнее произведение Зазубрина, посвященное созданию Института экспериментальной медицины. В ней он словно пытается заковать собственную судьбу, выстраивая сюжетную линию главного героя-новатора, осужденного за «вредительство», по оптимистической модели признания его лечебного метода. Наказание же ждет истинных «врагов» – противников героя, приверженцев прежних, устоявшихся способов лечения. В одном из писем 1935 г. Зазубрин пишет Горькому:

Я люблю Вас, Алексей Максимович, как только может любить человек, всеми отвергнутый. Ваше имя для меня, как боевое знамя, за которое я буду драться до конца жизни. Я докажу, что Вы не ошиблись, когда выдвигали меня как писателя и защищали как гражданина [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 332].

Воспоминание Платонова о первой встрече с Горьким, написанное в 1937 г. и предназначавшееся, как предполагают исследователи, для альманаха «Год XX», посвященного памяти писателя (см.: [Корниенко, 2011, с. 698]), наполнено схожим чувством:

Меня интересовал лишь тот человек, который был сейчас передо мной – Горький. В детстве я видел дешевые конфеты, завернутые в бумажки с изображением Максима Горького; под его изображением обычно была напечатана какая-либо фраза, лозунг из сочинений писателя, например – «Пусть сильнее грянет буря!» – или что-то другое. Я всматривался тогда в лицо писателя на конфетной бумажке, читал его мысли и размышлял о нем. Никогда я не надеялся увидеть Горького в действительности и беседовать с ним. Прошли годы. Теперь я видел Горького и даже рассуждал с ним, и он был для меня все таким же, прежним и неизменным, идеальным высшим человеком, каким запечатлелся когда-то в моем детском воображении. И смотря сейчас на Горького, я чувствовал себя счастливым, словно моя жизнь возвратилась обратно в детство – в свое лучшее время, в то время, когда образуется на всю жизнь ум и сердце, я чувствовал себя легко, словно без труда исполнилось невыполнимое желание [Платонов, 2011, с. 547].

В той первой встрече детские впечатления Платонова соединены с благоговейным отношением к Горькому и надеждой на его помощь в схожей с зазубринской ситуацией «всеми отвергнутого» человека. Однако его отчаянные попытки найти поддержку у Горького ожидаемого результата не возымели⁵. Хотя не исключено косвенное участие Горького в литературной судьбе Платонова. Например, он мог поспособствовать его включению в группу писателей, командированных в Среднюю Азию. Литературным итогом этой поездки стал рассказ «Такыр».

ливый человек. И – честный» (М. Горький – И. В. Сталину // Документы XX века. URL: <http://doc20vek.ru/node/1575> (дата обращения 30.11.2018)).

⁵ Можно лишь в очередной раз поразиться душевной щедрости Платонова, написавшего уже упомянутые воспоминания о первой встрече с Горьким и статью «Пушкин и Горький», где он видит первого советского классика продолжателем пушкинской традиции, очень деликатно, немногословно и при этом чрезвычайно пронзительно намекая на «долгий, многолетний конфликт» в его душе, чем «объясняет его некоторые литературные неудачи, а иногда и политические ошибки» [Платонов, 2011, с. 110]: «Горькому пришлось жить и действовать на шве двух принципиально отличных эпох, быть поэтическим провозвестником эпохи коммунизма, душить врага, проникающего в сердце народа и в собственную душу, и быть поэтому самому часто окровавленным. Иначе это была бы шуточная битва, а мы знаем, какие “шутники” наши противники» [Там же, с. 316].

На наш взгляд, одна из причин «больших надежд» Горького на Зазубрина кроется в его несомненном организаторском таланте как собирателя литературных сил Сибири, ключевой фигуры журнала «Сибирские огни», номера которого с самых первых пересылались Горькому на Капри. С участием Зазубрина он связывал реализацию своих издательских инициатив, в первую очередь неоправдавшийся успех журнала «Колхозник». Большая часть их московской переписки тематически определяется редактированием номеров, поиском новых авторов для журнала. В отличие от Зазубрина, Платонов – писатель-одиночка, со своим собственным художественным методом, как он признавался в ответе на анкету журнала «На литературном посту». Из сказанного можно сделать тот вывод, что Зазубрин был более, чем Платонов, понятен Горькому как писатель, с его главной темой борьбы «двух миров», соответствующей расстановкой художественных образов, идейной определенностью, усилившейся в московский период творчества. Главным произведением этого времени стал для него роман «Горы», активно обсуждаемый в переписке с Горьким в процессе создания.

Судя по немногочисленным ответам Горького на письма Платонова, касающимся оценки его произведений, Платонов для него – слишком загадочный автор, с неопределенной идеологической позицией, непривычной поэтикой. Наверняка не последнюю роль сыграло здесь и критическое отношение Сталина к творчеству Платонова. Известна его разгромная оценка рассказа «Усомнившийся Макар» и очерка «Впрок». В письме 1934 г. к Л. Мехлису, принимавшему участие во многих его издательских проектах, Горький очень кратко характеризует Платонова: «Ан. Платонов – даровитый человек, испорченный влиянием Пильняка и сотрудничеством с ним» (см.: [Платонов, 2013, с. 404])⁶. В данном случае речь идет об очерке «Че-Че-О», написанном Платоновым совместно с Пильняком еще в 1928 г.⁷ Любопытно, что звание «подпильничника» закрепилось за Платоновым после рапповской критики очерка. Приведенная характеристика – неутешительный итог длящегося несколько лет внимания Горького к творчеству Платонова, начатого сборником «Епифанские шлюзы» (1927), который он высоко оценил и даже рекомендовал к прочтению разным лицам. В целом же приведенные оценки: Зазубрина как «очень талантливого» и Платонова как «даровитого», но испорченного чужим влиянием, – показывают разницу в восприятии Горьким двух писателей, несопоставимых по степени дарования, где первенство, как это ни парадоксально, принадлежит Зазубрину, а не Платонову.

⁶ Любопытна переписка данной Горьким характеристики Платонова с характеристикой осведомителя ОГПУ, сообщившего в секретный отдел 10 декабря 1930 г.: «...когда он только начал писать, на него сразу же обратил внимание Пильняк, помог ему овладеть грамотой. Приобрел этим влияние на него и, конечно, немало напортил» (см.: [Малыгина, 2009, с. 521]).

⁷ Известно сложное отношение Горького к творчеству Пильняка. Горячо поддержав его в начале творческого пути, он резко меняет отношение к Пильняку после размолвки, произошедшей в 1921 г. А после публикации «Повести непогашенной луны» так отзывается о ней в письме А. П. Чапыгину от 17 июня 1926 г.: «Прочитал скандальный рассказ Пильняка “Повесть непогашенной луны” – каково заглавие? Этот господин мне противен, хотя в начале его писательства я его весьма похваливал. Но теперь он пишет так, как будто мелкий сыщик: хочет донести, а – кому? – не решает. И доносит одновременно направо, налево. Очень скверно. И – каким уродливым языком все это доносится!» [Горький, 1955, с. 470]. Хотя в разгар травли писателя в печати в 1929 г., связанной с публикацией в Берлине повести «Красное дерево», Горький неожиданно выступает в защиту Б. Пильняка: «У нас образовалась дурацкая привычка – втаскивать людей на колокольню славы и через некоторое время сбрасывать их оттуда в прах, в грязь. Нужно помнить, что мы все еще не настолько богаты своими людьми, способными помочь нам в нашем трудном и великодушном деле» (см.: [Горький и его эпоха, 1989, с. 5–9]).

Список литературы

- Алейников О. Ю.* Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Воронеж: Наука-Юнипресс, 2013. 222 с.
- Булдаков В. П.* Гражданская война и проза 1920-х годов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5. С. 113–122.
- Варламов А.* Андрей Платонов. М.: Мол. гвардия, 2011. 544 с.
- Горький и его эпоха. Исследования и материалы. Вып. 1. М.: Наука, 1989. 282 с.
- Горький М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 30. М.: Гослитиздат, 1955. 803 с.
- Зазубрин В.* Два мира. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1988. 335 с.
- Зазубрин В.* Горы // Зазубрин В. Общежитие. Новосиб. кн. изд-во, 1990. 414 с.
- Корниенко Н.* Комментарии // Платонов А. Фабрика литературы. М.: Время, 2011. С. 657–715.
- Литературное наследство Сибири: Т. 2. Новосибирск, 1972. 444 с.
- Малыгина Н.* «Быть человеком – редкость и праздник» // Платонов А. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения. М.: Время, 2009. С. 494–544.
- Малыгина Н.* Андрей Платонов и литературная Москва: А. К. Воронский, А. М. Горький, Б. А. Пильняк, Б. Л. Пастернак, Артем Веселый, С. Ф. Буданцев, В. С. Гроссман. СПб.: Нестор-История, 2018. 590 с.
- Платонов А.* Песчаная учительница // Литературные среды. 1927. № 21. С. 6–7 (Прил. к «Красной газете»; № 221).
- Платонов А.* Приключение // Новый мир. 1928а. № 6. С. 136–141.
- Платонов А.* Че-Че-О // Новый мир. 1928б. № 12. С. 249–258.
- Платонов А.* Чевенгур. М.: Высш. шк., 1991. С. 23–398.
- Платонов А.* Первое свидание с А. М. Горьким // Платонов А. Фабрика литературы. М.: Время, 2011. С. 547–552.
- Платонов А.* «...Я прожил жизнь». Письма [1920–1950 гг.]. М.: Астрель, 2013. 685 с.
- Проскурина Е. Н.* «Общежитие» В. Зазубрина как «неудавшийся» рассказ (на материале критических оценок современников и партцензуры // Сибирский филологический форум. 2018. № 4. С. 4–18.
- Соколов Б.* Андрей Платонов и Владимир Зазубрин: утопия и реальность // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 2. М.: Наследие, 1995. С. 141–144.
- Шишкин В. И.* Еще раз о Рогове и «роговщине» // Октябрь и гражданская война в Сибири. (История. Историография. Источниковедение). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 102–126.
- Яновский Н. Н.* Роман «Два мира» В. Я. Зазубрина // Зазубрин В. Два мира. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1988. С. 328–335.
- Яранцев В.* Зазубрин. Человек, который написал «Щепку». Новосибирск, 2012. 752 с.

E. N. Proskurina

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, proskurina_elen@mail.ru*

A. Platonov and V. Zazubrin: intersecting parallels

The paper shows the general features of the creative behavior of A. Platonov and V. Zazubrin, with a fundamental difference in the artistic language of writers. Both tried to preserve their own

creative style, their attitude to the revolutionary reality, which in many respects differed from the emerging ideological maxim. The analysis involves the episodes of the novel by A. Platonov “Chevengur,” the novels by V. Zazubrin “Two worlds” and “Mountains,” as well as his novels “Sliver” and the essay “Unmarked roads” which were found to have plot-motif rolls. Previously, an idea was put forward that an essay of Zazubrin could be one of the sources of the novel “Chevengur.” However, the intersections identified in these works are related to the metadialog rather than to the creative reception since in the literature of the 1920s, the plot and motive space was largely the same. It was due to the post-revolutionary historical situation in the country. In addition, on the basis of epistolary, the relations of Zazubrin and Platonov with Gorky, the highest authority for both of them, were analyzed. An unexpected conclusion was made from the analysis performed: Gorky’s participation in the fate of Notch was as active as cautious was his attitude towards Platonov. Perhaps, Zazubrin was more understandable to Gorky as a writer, with his main theme being the struggle between “two worlds.” Platonov turned out to be too mysterious for Gorky, with an uncertain ideological position and unusual poetics. In conclusion, paradoxically, it is Zazubrin that Gorky considers being in the first place, not Platonov.

Keywords: A. Platonov, V. Zazubrin, M. Gorky, “Red Terror” in literature, creative behavior, metadialog, plot, motive.

DOI 10.17223/18137083/67/10

References

- Aleynikov O. Yu. *Andrey Platonov i ego roman “Chevengur”* [Andrei Platonov and his novel “Chevengur”]. Voronezh, Nauka-Yunipress, 2013, 222 p.
- Buldakov V. P. Grazhdanskaya vojna i proza 1920-kh godov [Civil war and prose of the 1920s]. *Humanities research in the Russian Far East*. 2013, no. 5, pp. 113–122.
- Gor’kiy i ego epokha. *Issledovaniya i materialy. Vyp. 1* [Gorky and his era. Research and materials. Iss. 1]. Moscow, Nauka, 1989, 282 p.
- Gor’kiy M. *Sobraniye sochineniy: V 30 t. T. 30* [Collected works: in 30 vols. Vol. 30]. Moscow, Goslitizdat, 1955, 803 p.
- Korniyenko N. Kommentarii [Comments]. In: Platonov A. *Fabrika literatury* [Factory of literature]. Moscow, Vremya, 2011, pp. 657–715.
- Literaturnoye nasledstvo Sibiri: T. 2* [Literary heritage of Siberia. Vol. 2]. Novosibirsk, 1972, 444 p.
- Malygina N. “Byt’ chelovekom – redkost’ i prazdnik” [“Being a man is a rarity and a holiday”]. Platonov A. *Usomnivshiyssya Makar: Rasskazy 1920-kh godov; Stikhotvoreniya* [Makar in doubt: Stories of the 1920s; Poems]. Moscow, Vremya, 2009, pp. 494–544.
- Malygina N. M. *Andrey Platonov i literaturnaya Moskva: A. K. Voronskiy, A. M. Gor’kiy, B. A. Pil’nyak, B. L. Pasternak, Artem Veselyy, S. F. Budantsev, V. S. Grossman* [Andrey Platonov and Literary Moscow: A. K. Voronskiy, A. M. Gor’kiy, B. A. Pil’nyak, B. L. Pasternak, Artem Veselyy, S. F. Budantsev, V. S. Grossman]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018, 590 p.
- Platonov A. Peschanaya uchitel’nitsa [Sand teacher]. *Literaturnyye sredi*. 1927, no. 21, pp. 6–7 (App. to “Krasnoy gazete”, no. 221).
- Platonov A. *Chevengur*. Moscow, Vyssh. shk., 1991, pp. 23–398.
- Platonov A. Pervoye svidaniye s A. M. Gor’kim [First meeting with A. M. Gorky]. In: Platonov A. *Fabrika literatury* [Factory of literature]. Moscow, Vremya, 2011, pp. 547–552.
- Platonov A. Prikluyecheniye [Adventure]. *Novyy mir*. 1928a, no. 6, pp. 136–141.
- Platonov A. Che-Che-O. *Novyy mir*. 1928b, no. 12, pp. 249–258.
- Platonov A. “...Ya prozhil zhizn’”. *Pis’ma (1920–1950 gg.)* [“...I’ve lived my life”. Letters (1920–1950)]. Moscow, Astrel’, 2013, 685 p.
- Proskurina E. N. “Obshezhitiye” V. Zazubrina kak “neudavshiyssya” rasskaz (na materiale kriticheskikh otsenok sovremennikov i parttsenzury) [“Dormitory” V. Zazubrina as a “failed” story (on the basis of critical assessments of contemporaries and party censorship)]. *Siberian Philological Forum*. 2018, no 4, pp. 4–18.
- Shishkin V. I. Eshche raz o Rogove i “rogovshchine” [Once again about Rogov and the “rogovshchina”]. In: *Oktyabr’ i grazhdanskaya vojna v Sibiri (Istoriya. Istoriografiya. Istoch-*

nikovedeniye) [October and the Civil War in Siberia. (History. Historiography. Source studies)]. Tomsk, 1985, TSU Publ., pp. 102–126.

Sokolov B. Andrey Platonov i Vladimir Zazubrin: utopiya i real'nost' [Andrey Platonov and Vladimir Zazubrin: Utopia and Reality]. In: "*Strana filosofov*" *Andreya Platonova: Problemy tvorchestva. Vyp. 2* ["Country of Philosophers" Andrei Platonov: Problems of creativity. Iss. 2]. Moscow, Naslediye, 1995, pp. 141–144.

Varlamov A. *Andrey Platonov*. Moscow, Mol. gvardiya, 2011, 544 p.

Yanovskiy N. N. Roman "Dva mira" V. Ya. Zazubrina [The novel "Two worlds" by V. Ya. Zazubrin]. In: Zazubrin V. *Dva mira* [Two worlds]. Novosibirsk, Novosib. kn. izd., 1988, pp. 328–335.

Yarantsev V. *Zazubrin. Chelovek, kotoryy napisal "Shchepku"* [Zazubrin. The man who wrote the "Sliver"]. Novosibirsk, 2012, 752 p.

Zazubrin V. *Dva mira* [Two worlds]. Novosibirsk, Novosib. kn. izd., 1988, 335 p.

Zazubrin V. Gory [The mountains]. In: Zazubrin V. *Obshhezhitie* [Dormitory]. Novosibirsk, Novosib. kn. izd., 1990, 414 p.